

Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Владимир Соловьев

Первый шаг к положительной эстетике

·
I

К числу многих литературных реакций последнего времени, - частью вызванных противоположными крайностями, а частью ничем положительным не вызванных, - присоединилась и реакция в пользу "чистого" искусства, или "искусства для искусства". Она несомненно принадлежит к первому разряду - к разряду реакций извинительных; противоположная крайность, которую она вызвана, у всех в памяти {1}. Но неужели это такая неотвратимая для нас судьба - одну неправду уравнивать другою и подчинить наше умственное развитие дурно и "жестокосердно" понятному закону возмездия: око за око и зуб за зуб? Если, как обыкновенно говорят, одно заблуждение естественно вызывает другое, противоположное, то подчиняться такому естественному процессу заблуждений не совсем естественно для человека, как существа разумного, - для него гораздо естественнее всякому заблуждению противопоставить простую и чистую правду; это к тому же и плодотворнее.

Когда, например, писатели, объявившие Пушкина "пошляком", в подтверждение этой мысли спрашивали: "Какую же пользу приносила и приносит поэзия Пушкина?" - а им на это с негодованием возражали: "Пушкин - жрец чистого искусства, прекрасной формы; поэзия не должна быть полезна, поэзия выше пользы!" - то такие слова не отвечают ни противнику, ни правде, и в результате оставляют только взаимное непонимание и презрение. А между тем настоящий, справедливый ответ так прост и близок: "Нет, поэзия Пушкина, взятая в целом (ибо нужно мерить "доброю мерою"), приносила и приносит большую пользу, потому что совершенная красота ее формы усиливает действие того духа, который в ней воплощается, а дух этот - живой,

59

благой и возвышенный, как он сам свидетельствует в известных стихах:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в сей жестокий век я прославлял свободу
И милость к падшим призывал...{1}"

Такой справедливый ответ был бы уместен и убедителен даже в том случае, если бы противник в своем увлечении под пользою разумел только пользу материальную и требовал бы от поэзии "печных горшков"; ибо в таком случае нетрудно было бы растолковать, что хотя добрые чувства сами по себе и недостаточны для снабжения всех людей необходимой домашней утварью, однако без таких чувств не могло бы быть даже речи о подобном полезном предприятии за отсутствием внутренних к нему побуждений, - тогда возможна была бы только непрерывная война за горшки, а никак не справедливое их распределение на пользу общую.

Если бы сторонники "искусства для искусства" разумели под этим только, что художественное творчество есть особая деятельность человеческого духа, удовлетворяющая особенной потребности и имеющая собственную область, то они, конечно, были бы правы, но тогда им нечего бы было и поднимать реакцию во имя такой истины, против которой никто не станет серьезно спорить. Но они идут гораздо дальше; они не ограничиваются справедливым утверждением специфической особенности искусства или самостоятельности тех средств, какими оно действует, а отрицают всякую существенную связь его с другими человеческими деятельностями и необходимое подчинение его общим жизненным целям человечества, считая его чем-то в себе замкнутым и безусловно самодовлеющим; вместо законной автономии для художественной области они проповедуют эстетический сепаратизм. Но хотя бы даже искусство было точно так же необходимо для всего человечества, как дыхание для отдельного человека, то ведь и дыхание существенно зависит от кровообращения, от деятельности нервов и мускулов, и оно подчинено жизни целого; и самые прекрасные легкие не оживят его, когда поражены другие существенные органы. Жизнь целого не исключает, а, напротив, требует и предполагает относительную самостоятельность частей и их функций, - но безусловно самодовлеюще никакая частная функция в своей отдельности не бывает и быть

Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике filosoff.org
не может.

Бесполезно для сторонников эстетического сепаратизма и следующее тонкое различие, делаемое некоторыми. Допустим, говорят они, что в общей жизни искусство связано

60

с другими деятельностями и все они вместе подчинены окончательной цели исторического развития; но эта связь и эта цель, находясь за пределами нашего сознания, осуществляются сами собою, помимо нас, - и следовательно, не могут определять наше отношение к той или другой человеческой деятельности; отсюда заключение: пускай художник будет только художником, думает только об эстетически прекрасном, о красоте формы, пусть для него, кроме этой формы, не существует ничего важного на свете.

Подобное рассуждение, имеющее в виду превознести искусство, на самом деле глубоко его унижает, - оно делает его похожим на ту работу фабричного, который всю жизнь должен выделывать только известные колесики часового механизма, а до целого механизма ему нет никакого дела. Конечно, служение псевдохудожественной форме гораздо приятнее фабричной работы, но для разумного сознания одной приятности мало.

И на чем же основывается это убеждение в роковой бессознательности исторического процесса, в безусловной непознаваемости его цели? Если требовать определенного и адекватного представления об окончательном состоянии человечества, представления конкретного и реального, то, конечно, оно никому не доступно, - и не столько по ограниченности ума человеческого, сколько потому, что самое понятие абсолютно окончательного состояния, как заключения временного процесса, - содержит в себе логические трудности, едва ли устранимые. Но ведь такое невозможное представление о немислимом предмете ни к чему и не нужно. Для сознательного участия в историческом процессе совершенно достаточно общего понятия о его направлении, достаточно иметь идеальное представление о той, говоря математически, предельной величине, к которой несомненно и непрерывно приближаются переменные величины человеческого прогресса, хотя по природе вещей никогда не могут совпасть с нею. А об этом идеальном пределе, к которому реально движется история, всякий, не исключая и эстетического сепаратиста, может получить совершенно ясное понятие, если только он обратится за указаниями не к предвзятым мнениям и дурным инстинктам, а к тем выводам из исторических фактов, за которые ручается разум и свидетельствует совесть.

Несмотря на все колебания и зигзаги прогресса, несмотря на нынешнее обострение милитаризма, национализма, антисемитизма, динамизма и проч., и проч., все-таки остается несомненным, что равнодействующая истории идет от

людо

61
едства к человеколюбию, от бесправия к справедливости и от враждебного разобщения частных групп к всеобщей солидарности. Доказывать это - значило бы излагать сравнительный курс всеобщей истории. Но для добросовестных пессимистов, смущаемых ретроградными явлениями настоящей эпохи, достаточно будет напомнить, что самые эти явления ясно показывают бесповоротную силу общего исторического движения {3}.

Вот два примера из совершенно различных областей, но приводящие к одной и той же морали. Явился в Германии талантливый писатель {4} (к сожалению, оказавшийся душевнобольным), который стал проповедовать, что сострадание есть чувство низкое, недостойное уважающего себя человека; что нравственность годится только для рабских натур; что человечества нет, а есть господа и рабы, полубоги и полускоты, что первым все позволено, а вторые обязаны служить орудием для первых и т. п. И что же? Эти идеи, в которые некогда верили и которыми жили подданные египетских фараонов и царей ассирийских, - идеи, за которые еще и теперь из последних сил бьются Беганзин в Дагомее и Лобэнгула в земле Матэбельской {5}, - они были встречены в нашей Европе как что-то необыкновенное оригинальное и свежее и в этом качестве повсюду имели grand succes de surprise*. Не доказывает ли это, что мы успели не только пережить, а даже забыть то, чем жили наши предки, так что их мирозерцание получило для нас прелесть новизны? А что подобное никогда и нигде не предусмотренное воскрешение мертвых идей вовсе не страшно для живых, - это видно уже из одного фактического соображения: кроме двух классов людей, упоминаемых Ницше, - гордых господ и смиренных рабов, - повсюду развился еще третий - рабов несмиренных, т. е. переставших быть рабами, - и, благодаря распространению книгопечатания и множеству других неизбежных и неотвратимых зол, этот третий класс (который не ограничивается одним tiers-etat**) так разросся, что уже почти поглотил два другие. Вернуться добровольно к смирению и рабской покорности эти люди не имеют никакого намерения, а принудить их некому и нечем, - по крайней мере, до пришествия антихриста и пророка его с ложными чудесами и знаменами; да

Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике filosoff.org и этой последней замаскированной реакции дагомейских идеалов хватит только ненадолго.

Второй пример того, как реакционные явления свиде

* Неожиданный большой успех (фр.).- Ред.

** Третье сословие (фр.).- Ред.

62

тельствуют об истинном прогрессе,- это характер нынешнего милитаризма: при таких огромных вооружениях и при таком чрезвычайном обострении национального соперничества и вражды - такая небывалая нерешительность начать войну! Всякий невольно чувствует и понимает, что при нынешней всесторонней связности между различными частями человечества невозможно будет локализовать вооруженного столкновения и что небывалая громадность сил по численности войск и смертоносности вооружений представит войну во всем ее, еще никогда прежде не виданном, ужасе и сделает нравственно и материально невозможным ее повторение. Значит, одно из двух: или, несмотря на весь милитаризм, война все-таки не начнется, или же если начнется, то будет последнею. Милитаризм съест войну. Вооруженные политические убоицы между нациями неизбежно прекратятся, как прекратились постоянные убоицы их между отдельными внутри стран областями и городами.

Местная история показывает, как здесь или там тяжелыми, запутанными и нередко кривыми путями собиралась земля вокруг народных вождей, и как мало-помалу росло и развивалось национальное сознание. Но и всеобщая история также показывает нам, как еще более трудными и сложными путями собирается вся земля, целое человечество вокруг невидимого, но могучего центра христианской культуры и как, несмотря ни на какие препятствия, все растет и крепнет сознание всемирного единства и солидарности. Эту аналогию между национальным и всемирным "собираанием земли" можно было бы провести еще дальше, но я ограничиваюсь только очевидными и бесспорными чертами. Итак, у истории (а следовательно, и у всего мирового процесса) есть цель, которую мы несомненно знаем,- цель всеобъемлющая и вместе с тем достаточно определенная для того, чтобы мы могли сознательно участвовать в ее достижении; ибо относительно всякой идеи, всякого чувства и всякого дела человеческого всегда можно по разуму и совести решить, согласно ли оно с идеалом всеобщей солидарности или противоречит ему, направлено ли оно к осуществлению истинного всеединства* или противоречит ему. А если так, то где же право для какой-нибудь человеческой

* Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия.

63

деятельности отделяться от общего движения, замыкаться в себе, объявлять себя своею собственною и единственною целью? И в частности, где права эстетического сепаратизма? Нет: искусство не для искусства, а для осуществления той полноты жизни, которая необходимо включает в себя и особый элемент искусства - красоту, но включает не как что-нибудь отдельное и самодовлеющее, а в существенной и внутренней связи со всем остальным содержанием жизни.

Отвергнуть фантастическое отчуждение красоты и искусства от общего движения мировой жизни, признать, что художественная деятельность не имеет в себе самой какого-то особого высшего предмета, а лишь по-своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества,- вот первый шаг к истинной положительной эстетике. Этот шаг в русской литературе сделан около сорока лет тому назад автором эстетического трактата, который (вместе с другими, менее важными, но также не лишенными интереса этюдами того же писателя) весьма кстати перепечатан был именно теперь - ввиду возрождения у нас эстетического сепаратизма. Желая указать положительное значение и заслугу этого старого, но не устаревшего трактата, я вовсе не закрываю глаза ни на многие его частные недостатки, ни на общую неполноту представляемого им воззрения. В свое время многие были уверены, что автор "Эстетических отношений искусства к действительности" сказал последнее слово в этой области {6}. Я так далек от подобной мысли, что утверждаю как раз обратное: он сказал вовсе не последнее, а только первое слово истинной эстетики. Но я считаю несправедливым от сделавшего нечто требовать, чтобы он сделал все, и думаю, что неизбежная недостаточность первого шага сама собою устранится, когда будут сделаны дальнейшие шаги.

II

Если наш автор подчиняет искусство действительности, то, конечно, не в том

Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике filosoff.org смысле, в каком иные современные ему писатели объявляли, что "сапоги важнее Шекспира". Он утверждает только, что красота действительной жизни выше красоты созданий художественной фантазии*. Вместе с тем он отстаивает реальность красоты против гегельянской эстетики, для которой прекрасное "является только призраком", проистекающим от непроницательности взгляда, не просветленного философским мышлением, перед которым

* "Эстетика и поэзия" ("Современник", 1854-1861), издание М. Н. Чернышевского. СПб., 1893, стр. 81.

64

исчезает кажущаяся полнота проявления идеи в отдельном предмете (т. е. красота), так что "чем выше развито мышление, тем более исчезает перед ним прекрасное, и, наконец, для вполне развитого мышления есть только истинное, а прекрасного нет"**.

В противоположность такому взгляду наш автор признает красоту существенным свойством действительных предметов и настаивает на ее фактической реальности – не для человека только, но и в природе, и для природы.

"Понимая прекрасное как полноту жизни, мы должны будем признать, что стремление к жизни, проникающее всю природу, есть вместе и стремление к производству прекрасного. Если мы должны вообще видеть в природе не цели, а только результаты, и потому не можем назвать красоту целью природы, то не можем не назвать ее существенным результатом, к производству которого направлены силы природы. Непреднамеренность, бессознательность этого направления несколько не мешает его реальности, как бессознательность геометрического стремления в пчеле, бессознательность к симметрии в растительной силе несколько не мешает правильности шестигранного строения ячеек сота, симметрии двух половин листа"***.

Значительную часть своего трактата автор посвятил подробному доказательству той мысли, "что произведение искусства может иметь преимущество перед действительностью разве в двух-трех ничтожных отношениях и по необходимости остается далеко ниже ее в существенных своих качествах"****. В этой обширной аргументации (стр. 38-81) много наивного (не нужно забывать, что это – юношеская диссертация), иные спорные вещи голословно утверждаются, а другие, бесспорные, доказываются с педантичною полнотою; но все эти недостатки и излишества не должны закрывать от нас того, что доказываемая мысль верна, – до такой степени верна, что читатель, недовольный пространною прозой автора, может найти краткое, но точное выражение того же самого воззрения на противоположном полюсе нашей литературы в следующем стихотворении фета:

Кому венец: богине ль красоты,
Иль в зеркале ее изображенью? Там же, стр. 2-3. В этих словах гегельянская точка зрения более "выводится на свежую воду", нежели просто излагается; но сущность дела передана совершенно верно.

** Там же, стр. 42-43.

*** Там же, стр. 80.

65

Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а Божий мир богат:
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может {7}.

Но если так, то в чем же значенье и задача искусства? Наш автор подходит к этому вопросу с настоящей стороны. Опровергнув то мнение, будто искусство создает совершенную красоту, какой нет в действительности, он замечает: "В произведениях искусства нет совершенства; кто недоволен действительною красотою, тот еще меньше может удовлетвориться красотою, создаваемою искусством. Итак, невозможно согласиться с обыкновенным объяснением значения искусства; но в этом объяснении есть намеки, которые могут быть названы справедливыми, если будут истолкованы надлежащим образом. Человек не удовлетворяется прекрасным в действительности, ему мало этого прекрасного – вот в чем сущность и правдивость обыкновенного объяснения, которая, будучи ложно понимаема сама, нуждается в объяснении"*. Собственное объяснение автора неудовлетворительно, и я не буду на нем останавливаться. Я не стану также защищать все те 17 тезисов, которыми заканчивается его диссертация. Главное ее содержание сводится к двух положениям: 1) существующее искусство есть лишь слабый суррогат действительности, и 2) красота в природе имеет объективную реальность, – и эти тезисы останутся. Их утверждение в трактате, стесненное пределами особого философского кругозора автора (он был в то время крайним приверженцем фейербаха), не разрешает, а только ставит настоящую задачу; но

Соловьев В. Первый шаг к положительной эстетике filosoff.org
верная постановка есть первый шаг к разрешению. Только на основании этих истин (объективность красоты и недостаточность искусства), а никак не чрез возвращение к артистическому дилетантизму, возможна будет дальнейшая плодотворная работа в области эстетики, которая должна связать художественное творчество с высшими целями человеческой жизни. Там же, стр. 89.

66

КОММЕНТАРИИ: ПЕРВЫЙ ШАГ К ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ

Впервые напечатана в "Вестнике Европы", 1894, No 1, с. 294-302.

Основное содержание работы Соловьев определил в письме известному публицисту К. К. Арсеньеву: "...защищаю известный Вам, вероятно, трактат об отношениях искусства к действительности - это дает некоторый интерес статье" (Письма, 2, 89). Редактору "Вестника Европы" Стасюлевичу Соловьев сообщил об обстоятельствах, вызвавших появление статьи: "Ее очень удобно связать с недавними эстетическими толками... к тому же в ней есть нечто специально приятное для нашего приятеля А. Н. Пыпина, именно некоторое заступничество за Чернышевского против Боборыкина, который недавно боборыкнул покойного в нашем московском философском журнале" (Письма, 1, 114).

В 1893 г. был издан сборник статей Н. Г. Чернышевского, и имя, долго находившееся под запретом, вновь появилось на страницах русской печати. Редакцией "Вестника Европы", куда входил двоюродный брат Чернышевского Пыпин, статья Соловьева понималась как признание заслуг публициста-шестидесятника в создании "истинной эстетики" и как выступление против новейших последователей теории "искусства для искусства". При таком подходе, усвоенном и русскими читателями, эстетические воззрения самого Соловьева отходили на второй план, стусевывалось их принципиальное отличие от взглядов Чернышевского.

{1} Под "реакцией в пользу "чистого" искусства" Соловьев разумеет выступления П. Д. Боборыкина (Боборыкин П. Д. "Красота, жизнь и творчество // Вопросы философии и психологии. 1893. No 1, 2) и С. М. Волконского (Волконский С. М. Искусство и нравственность // Вестник Европы, 1893. No 4), которые послужили непосредственным поводом к его работе над статьей. "Противоположная крайность" - писаревское "разрушение эстетики", находившее многочисленных последователей в демократической журналистике 1860-1880-х гг.

{2} Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..." (1836).

{3} Здесь Соловьев разделяет теорию необратимости исторического прогресса, которую в иных случаях он резко и остроумно критиковал.

{4} Речь идет о Фридрихе Ницше.

{5} Неожиданно высокомерное отношение к африканским владельцам, которые вели упорную борьбу с французскими (Беганзин) и английскими (Лобенгула) колонизаторами, связано у Вл. Соловьева с глубоко укоренившимся европоцентризмом.

{6} Первое издание магистерской диссертации Н. Г. Чернышевского вышло в 1855 г.

{7} А. А. Фет, "Кому венец: богине ль красоты...".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!